

ИЮНЬ

15

СРЕДА

1938 год

№ 33 (740)

Цена 30 коп.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтицкой

ОРГАН
ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

Великий русский писатель

18 июня мы отмечаем двухлетнюю годовщину со дня гибели Алексея Максимовича Горького. Вместе с русским народом трудовые люди всего мира в этот день обнаруживают любовь в траурной скобре.

«Человек всего человечества» — эти слова, сказанные Горьким о Толстом, приведут прежде всего на память, когда думашь об историческом значении творчества и личности Горького.

В эпоху, когда буржуазия откровенно распостырилась даже с фразеологией гуманизма, русский народ дал человечеству Горького, который воорвал в себя все лучшее, что есть в духовной истории человечества: веру в человеческий разум, волю в свободе, в достоинство человеческой личности, страстную ненависть к рабству, к унижению, любовь к людям, к творчеству, мечту о счастье всех людей, — все то, что неизвестно современной буржуазии и ее кровавому деянию — фашизму. Горький стал центром, вокруг которого группировались все культурные силы современного человечества, все те, кому дорог человек, и то, что создано им на земле. Дружба Горького с Романом Ролланом есть символ обединения вокруг Горького всех лучших людей, всех подлинных мастеров современной культуры.

Гуманизм Горького был выражением силы нового хозяина жизни, рабочего класса, борющегося с буржуазным озверением и варварством.

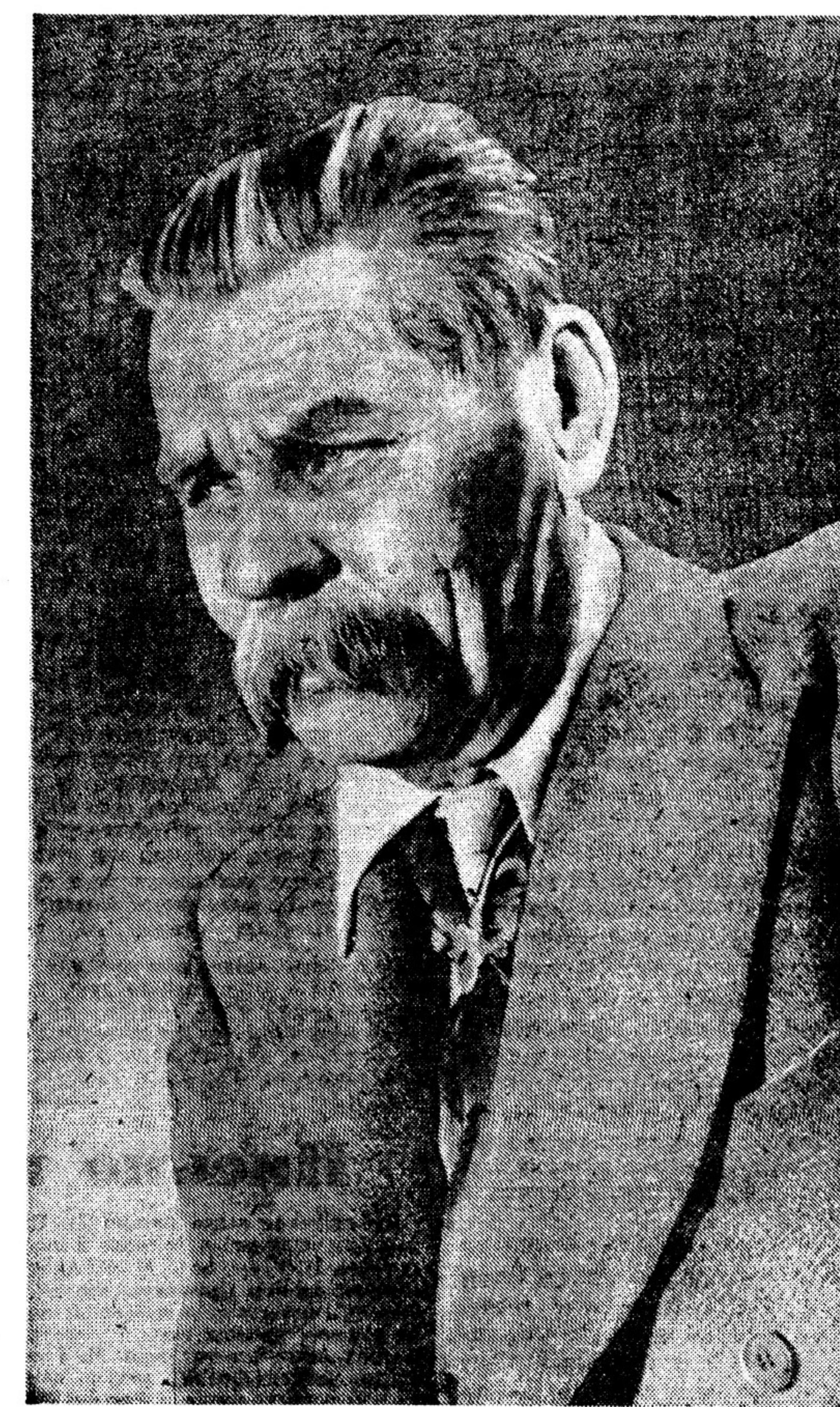
Горький принадлежит международному рабочему классу и всему человечеству.

Но вместе с тем Горький был сыном русского народа. И мы не можем не лумать об этом без чувства национальной гордости.

Мы гордимся тем, что русский народ дал человечеству Горького — страстного поборника друзей и братства народов, писателя, чьи произведения стали настольными книгами каждого сознательного рабочего, в какой бы нации он ни приналежал. Мы гордимся тем, что образы русской трудовой женщины, Ниловны, и ее сына стали образами, любимыми пролетариевми всего мира. Мы гордимся тем, что пролетариев всех стран вкладывают всю свою волю в победу, всю свою революционную страсть, произнося на всех языках мира знаменитые слова:

«Пусть сильнее грянет буря!»

На всех языках, во всех странах бойцы за коммунизм произносят слова Горького: «Человек — это звучит гордо!», «Безумству храбрых поэм мы песню», «Рожденный ползать летать не может!», и мы гордимся тем, что эти слова впервые произнесли на русском языке. Мы гордимся тем, что первый гениальный писатель коммунизма, первый гениальный художник международного рабочего класса был сыном нашего, русского, великого народа.

Либы грязными татарами! И вперед прошу покорно при мне...» — в ответ на что войсковой начальник с щедринской фамилией Покровский «стал пред ним и сладостно завоевал:

— Да сердце же вы мои! Боже мой милый! Немцы, татары, або мордованы — да не все ли равно нам, оковцам? Разве мы так-таки уз и не имеем своего пола? Да пожалуйте, пропусти...

И осторожно отвел желчного Штрехеля за карточный стол.

И сейчас мы не можем без гнева и ярости читать эти строки, рассказывающие о том, как оскорбляла наше национальное достоинство буржуазно-дворянская сволочь, управляемая нашей страной!

Мы не можем без чувства гнева и возмущения читать и те горьковские страницы, в которых рассказывается о том, как эта же сволочь, унижавшаяся перед чиновными иностранцами, издавалась над трудовыми людьми украинского, еврейского, татарского и других народов, живших на территории вчерашней России. В произведениях Горького много портретов трудовых людей разных национальностей — укралы, грузины, армяне, тюрки, татары, евреи, чуваши, чигане и др., и Горький всегда умел любовно находить черты национального своеобразия, того особого обличия, которое есть в каждом национальном типе.

Разоблачая «патриотизм» господствовавших классов, Горький дал богатейшую галерею портретов русских трудовых людей, в которых отражается их отношение к национальному достоинству. И шовинизм и национальный нигилизм имеют одно и то же буржуазное происхождение. Используя патриотические чувства, присущие трудовому народу, его любовь к родине, буржуазия стремится возвлечь трудящихся в водоворот шовинистического бешенства, националистического изувечства, чтобы направить народную ненависть к буржуазии в другое русло, чтобы сохранить свою власть над трудовым человечеством. Вместе с тем полным отношением буржуазии к «отечеству» является циничный нигилизм, отсутствие какого бы то ни было патриотического чувства, национального достоинства, готовность в любую минуту продать комугоди национальные интересы.

Презрение и ненависть всего народа к «хозяевам» вчерашней русской жизни, чувство оскорблением национального достоинства выражал Горький, когда, например, в «Городке Окурове» он изображал «патриотизм» господствовавших классов. Горький описывал, как земский начальник Штрехель, в присутствии которого кто-то из местных чиновников робко поругивал немецких генералов, находившихся на русской службе, «пожелев от гнева, крикнул голо-ве и Кожемякину:

«Россия будет самой яркой демократией земли — демократию, нашедшую свое выражение в Сталинской Конституции!»

УКАЗ Президиума Верховного Совета СССР

О НАГРАЖДЕНИИ ПИСАТЕЛЯ ТРЕНЕВА К. А. ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

В связи с 40-летием литературной деятельности наградить тов. Тренева Константина Андреевича за выдающиеся заслуги в развитии советской драматургии орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН

Москва, Кремль, 10 июня 1938 г.

СООБЩЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ ГРУЗИНСКОЙ ССР О РЕЗУЛЬТАТАХ ВЫБОРОВ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ ГРУЗИНСКОЙ ССР

Всего по Грузинской ССР имеется 2.932 избирательных участка и 237 избирательных округов по выборам в Верховный Совет Грузинской ССР.

К 6 часам вечера 13 июня было закончено подсчет голосов по всем округам.

По данным округовых избирательных комиссий зарегистрировано избрание всех 237 депутатов, являющихся кандидатами сталинского блока коммунистов и беспартийных.

Из общего количества 1.898.041 избирателей, имеющих право голоса на выборах в Верховный Совет Грузинской ССР, приняло участие в голосовании 1.883.608 избирателей, что составляет 99,2 проц. от общего количества граждан, пользующихся правом голоса.

Во всех избирательных округах по выборам в Верховный Совет Грузинской ССР голосовало за кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных 1.876.391 человека, что составляет 99,6 проц. всего числа участвовавших в голосовании.

По имеющимся полным данным по городу Тбилиси из 296.770 избирателей принял участие в голосовании 296.510 человек, или 99,9 проц. всех избирателей. За кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных голосовало 294.881 чел., или 99,5 проц. принявших участие в голосовании.

Избранны в Верховный Совет Грузинской ССР по гор. Тбилиси:

Ленинский округ — Сталлин И. В.
Сталинский округ — Молотов В. М.
«Правды» — Берия Л. П.
Ворошиловский — Девурашвили И. А.
Горелендорфский — Геладзе Н. В.
Труховский — Бурчуладзе М. И.
Советский — Чубинидзе М. Д.
Колхидский — Орджоникидзе Н. Г.
Берия округ — Микаберидзе С. С.
Тельмана округ — Ткаченко Л. Т.
Калининский — Есопови С. С.
Карла Маркса — Квачадзе А. Ф.
Горьковский — Минарадзе О. Н.
Им. 26 комиссаров — Мильштейн С. Р.
Урицкого округ — Абарьян А. А.
Фрунзетова округ — Цицлава И. А.
Шаумянский — Карапетян С. Г.
Красноармейский — Тыменев И. В.
Нацхатльский — Джашви М. И.
Кировский — Васадзе А. А.
Дзержинский — Габуния Н. В.
Пушкинский — Аракелов М. Я.
Энгельсов округ — Гвишiani М. М.
Промышленный — Тевдорадзе Т. М.
Орджоникидзеский округ — Шентелия Л. В.

Сабуртлакский — Моретти К. В.
Студенческий — Джавахишвили И. А.
Руставели округ — Азмайнашвили Ш. И.

Челюскинцев округ — Агадешвили Н. С.

Ежова округ — Барамия М. И.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ ПО ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ ГРУЗИНСКОЙ ССР.

СООБЩЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ АРМЯНСКОЙ ССР О РЕЗУЛЬТАТАХ ВЫБОРОВ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ АРМЯНСКОЙ ССР

Всего по Армянской ССР имеется 1204 избирательных участка и 256 избирательных округов, по которым зарегистрировано 611.649 человек, имеющих право голоса на выборах в Верховный Совет Армянской ССР.

По данным округовых избирательных комиссий из этого количества избирателей принял участие в голосовании 605.907 человек, что составляет 99,06 проц. от общего количества граждан, пользующихся правом голоса. Во всех избирательных округах по выборам в Верховный Совет Армянской ССР за кандидатов блока коммунистов и беспартийных голосовало 603.469 человек, что составляет 99,6 проц. всего числа участвовавших в голосовании.

По всем 256 округам окружными избирательными комиссиями зарегистрировано избрание 256 депутатов Верховного Совета Армянской ССР. Все без исключения

избранные депутаты являются кандидатами блока коммунистов и беспартийных. Из 256 избранных депутатов — 156 коммунистов и 100 беспартийных. Женщин среди депутатов 65, мужчин — 191.

По округу № 1 города Еревана депутатом Верховного Совета Армянской ССР избран всенародный кандидат великий вождь народов товарищ Сталлин И. В. По Гедаряцкому округу № 33 города Еревана избран ближайший соратник великого Сталина глава советского правительства товарищ Молотов В. М. По Заводскому округу № 9 города Еревана избран ближайший соратник великого Сталина заместитель председателя Совнаркома СССР товарищ Микоян А. И.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ ПО ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ АРМЯНСКОЙ ССР.

СООБЩЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ АДЖАРСКОЙ АССР О РЕЗУЛЬТАТАХ ВЫБОРОВ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ АДЖАРСКОЙ АССР

По Аджарской АССР всего было организовано 192 избирательных участка и 63 избирательных округа по выборам в Верховный Совет Аджарской АССР.

По данным округовых избирательных комиссий зарегистрировано избрание всех 63 депутатов, являющихся кандидатами сталинского блока коммунистов и беспартийных. Избирательных голосовало 603.469 человек, что составляет 99,6 проц. всего числа участвовавших в голосовании.

Из общего количества 107.662 избирателей, имеющих право голоса, на выборах в Верховный Совет Аджарской АССР участвовало 107.072, что составляет 99,5 проц. Во всех избирательных округах по выборам в Верховный Совет Аджарской АССР голосовало за кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных 106.494 че-

ловека, что составляет 99,5 проц. по отношению к участвовавшим в выборах.

По имеющимся данным по городу Батуми, из 41.123 избирателей принял участие в голосовании 41.009, или 99,7 проц. всех избирателей.

За кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных голосовало 40.705 человек, или 99,3 проц. принимавших участие в голосовании.

Из 63 избранных депутатов 47 коммунистов и 16 беспартийных. Женщин среди депутатов 16, мужчин — 47.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ ПО ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ АДЖАРСКОЙ АССР.

13 июня 1938 г.

Составлено Президиумом Центральной избирательной комиссии СССР.

Составлено Президиумом Центральной избирательной комиссии С

Об «Испанском дневнике» Михаила Кольцова

Какая грустная и вместе с тем какая мужественная книга.

Я помню, в детстве мы ехали на пароходике из Уши в Женеву. Зубчатая тень гор уже покрывала озеро. Бежали берега. Еще быстрее бежала вода. Художник, раскрыв походный альбом, с поспешностью покрывал разноцветными мазками маленький прямоугольник своего картона. Быстро наступал вечер. Тона озера менялись: розовые, лиловые, голубые. Еще быстрее менялись и смешивались краски на палитре. Меняющиеся краски озера служили как бы живой рамой для этюда. Этот картина была продолжением озера. Мы с восхищением следили за этим благородным поединком между художником и природой; за поединком, в котором никто не хотел уступить.

В то же время другой художник, на корте, донесился на память этот, начатый с натуры несколько часов тому назад. Натура уже давно скрылась из глаз живописца, а на холсте чудесной неподвижности продолжали стоять Шильонский замок с коническими шпилями, белая тень Дана-Миди и лодка с двумя спрятанными парусами. Здесь явно художник победил природу. Он оставил время.

*

Читая «Испанский дневник» Михаила Кольцова, я все время думал об этих двух художниках. О художнике-моменталисте — горечи, поспешном, спасти, вступившем в поединок со своей молниеносно меняющейся натурой, и о художнике более спокойном, глубоком, уравновешенным — о художнике, «оставившем время».

Автор «Испанского дневника» соединил в себе обоих этих художников.

Михаил Кольцов всегда был массовый читатель. Но особенно сильно полюбили он его за острые и беспреступно правдивые корреспонденции в «Правде» с испанскими фронтаами. Эти корреспонденции — настоящие маленькие шедевры боевого политического репортажа, всегда современные, всегда орнитинальные, всегда художественные в самом высоком смысле этого слова.

Приднестровские корреспонденции Кольцова вошли в Испанию для того, чтобы помочь испанским товарищам своим революционным опытом.

На первых же страницах книги между двумя героями — подлинным и «вымыщенным» — происходит встреча.

«Здесь же был Мигель Мартинес, небольшого роста человек, мексиканский коммунист, прибывший, как и я, вчера в Барселону. Он никогда не жил в Испании, а сейчас прибыл помочь и отдать земли партии своей опыт мексиканской гражданской войны.»

На протяжении всей книги оба героя постоянно сталкиваются. Их линии пересекаются — линия московского писателя и линия мексиканского коммуниста. Они заняты разным делом. Один описывает, другой действует как организатор, пропагандист, военспец.

Они видят события с двух разных точек зрения. Но обе точки зрения, как в кинематографическом блокете, сливаются и дают картину реальной стереоскопичности.

В единстве этих двух персонажей и есть главный стилевой фокус книги.

Но законченная ли?

События в Испании продолжаются. В одном месте своей чудесной книги Кольцов воскликнет:

«Чем же станет Мадрид? Испанский Ведомен! Или разделит трагическую и сиюющую судьбу Парижской Коммуны?»

Судьба Мадрида еще не решалась. Судьба Испании до сих пор на карте. Бартина еще не заключена в натуре. Но на пополнение отрезок времени, который захватил и «составил» художника, уже живет в новом качестве — исторического факта.

Это уже не моментализм газетчика. Это уже историческая живопись.

*

Что же такое «Испанский дневник»?

Мне кажется, что Михаил Кольцов склонен скромно назвать свою книгу. Конечно, это не дневник. Это — драма, роман, поэма, может быть, лирический монолог. Может быть, это некая новая литература форма, некий новый жанр.

По-моему, это — поэма, написанная на пытке.

Во всяком случае, в книге Кольцова есть все элементы лирико-эпической поэмы. Есть драматические коллизии, описанные приключения, лирические отступления, — все то, без чего не может существовать большая поэма.

Но, кроме того, есть новшество: полити-

ческий портрет, документ, полемический удар, анекдот, южеская шутка.

Все это разнообразие, содружество поэтических элементов легко могло бы стать нестыковым конгломератом. Но этого в книге Кольцова не случилось. Не случилось потому, что все элементы приведены к некоему единству. Это единство — крепкая, неизменная, честная политическая установка автора-бальшевика. Все лиги книги склоняются в едином политическом фокусе: «...освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров — не есть частное дело испанцев, это — общее дело всего передового и прогрессивного человечества».

(Из телеграммы товарища И. Сталина Центральному комитету коммунистической партии Испании). *

«Испанский дневник» еще не закончен печатанием. Вышли все его части. Но уже сейчас можно сказать, что советский народ получит прекрасную, волнующую книгу. Грустную и вместе с тем мужественную.

Как же она построена, эта книга?

Материал ясен: борьба германского испанского народа за независимость.

Форма организации материала следующая:

Есть два человека.

Один — советский писатель, коммунист, сотрудник «Правды», спикер Михаил Кольцов. У него за плечами, так сказать, специфическая газетная: телеграфированная в «Правду», быть в самых решавших и ответственных точках, постоянно соприкасаешься с народом, с политическими деятелями, все видеть, все знать, видеть быть первым. Таков его роль в жизни, а следовательно и в книге. (Книга-то эта — ведь сама жизнь!)

И есть другой человек. «Вымытенный». Друг Михаил Кольцова, мексиканский революционер, тоже коммунист Мигель Мартинес, специально приехавший в Испанию для того, чтобы помочь испанским товарищам своим революционным опытом.

На первых же страницах книги между двумя героями — подлинным и «вымыщенным» — происходит встреча.

«Здесь же был Мигель Мартинес, небольшого роста человек, мексиканский коммунист, прибывший, как и я, вчера в Барселону. Он никогда не жил в Испании, а сейчас прибыл помочь и отдать земли партии своей опыт мексиканской гражданской войны.»

На протяжении всей книги оба героя постоянно сталкиваются. Их линии пересекаются — линия московского писателя и линия мексиканского коммуниста. Они заняты разным делом. Один описывает, другой действует как организатор, пропагандист, военспец.

Они видят события с двух разных точек зрения. Но обе точки зрения, как в кинематографическом блокете, сливаются и дают картину реальной стереоскопичности.

В единстве этих двух персонажей и есть главный стилевой фокус книги.

Но законченная ли?

События в Испании продолжаются. В одном месте своей чудесной книги Кольцов воскликнет:

«Чем же станет Мадрид? Испанский Ведомен! Или разделит трагическую и сиюющую судьбу Парижской Коммуны?»

Судьба Мадрида еще не решалась. Судьба Испании до сих пор на карте. Бартина еще не заключена в натуре. Но на пополнение отрезок времени, который захватил и «составил» художника, уже живет в новом качестве — исторического факта.

Это уже не моментализм газетчика. Это уже историческая живопись.

*

Что же такое «Испанский дневник»?

Мне кажется, что Михаил Кольцов склонен скромно назвать свою книгу. Конечно, это не дневник. Это — драма, роман, поэма, может быть, лирический монолог. Может быть, это некая новая литература форма, некий новый жанр.

По-моему, это — поэма, написанная на пытке.

Во всяком случае, в книге Кольцова есть все элементы лирико-эпической поэмы. Есть драматические коллизии, описаны приключения, лирические отступления, — все то, без чего не может существовать большая поэма.

Но, кроме того, есть новшество: полити-

ческий портрет, документ, полемический удар, анекдот, южеская шутка.

Все это разнообразие, содружество поэтических элементов легко могло бы стать нестыковым конгломератом. Но этого в книге Кольцова не случилось. Не случилось потому, что все элементы приведены к некоему единству. Это единство — крепкая, неизменная, честная политическая установка автора-бальшевика.

Все лиги книги склоняются в едином политическом фокусе: «...освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров — не есть частное дело испанцев, это — общее дело всего передового и прогрессивного человечества».

(Из телеграммы товарища И. Сталина Центральному комитету коммунистической партии Испании). *

«Испанский дневник» еще не закончен печатанием. Вышли все его части. Но уже сейчас можно сказать, что советский народ получит прекрасную, волнующую книгу. Грустную и вместе с тем мужественную.

Как же она построена, эта книга?

Материал ясен: борьба германского испанского народа за независимость.

Форма организации материала следующая:

Есть два человека.

Один — советский писатель, коммунист,

сотрудник «Правды», спикер Михаил Кольцов. У него за плечами, так сказать, специфическая газетная: телеграфированная в «Правду», быть в самых решавших и ответственных точках, постоянно соприкасаешься с народом, с политическими деятелями, все видеть, все знать, видеть быть первым. Таков его роль в жизни, а следовательно и в книге. (Книга-то эта — ведь сама жизнь!)

И есть другой человек. «Вымытенный».

Друг Михаил Кольцова, мексиканский революционер, тоже коммунист Мигель Мартинес, специально приехавший в Испанию для того, чтобы помочь испанским товарищам своим революционным опытом.

На первых же страницах книги между двумя героями — подлинным и «вымыщенным» — происходит встреча.

«Здесь же был Мигель Мартинес, небольшого роста человек, мексиканский коммунист, прибывший, как и я, вчера в Барселону. Он никогда не жил в Испании, а сейчас прибыл помочь и отдать земли партии своей опыт мексиканской гражданской войны.»

На протяжении всей книги оба героя постоянно сталкиваются. Их линии пересекаются — линия московского писателя и линия мексиканского коммуниста.

Они видят события с двух разных точек зрения. Но обе точки зрения, как в кинематографическом блокете, сливаются и дают картину реальной стереоскопичности.

В единстве этих двух персонажей и есть главный стилевой фокус книги.

Но законченная ли?

События в Испании продолжаются. В одном месте своей чудесной книги Кольцов воскликнет:

«Чем же станет Мадрид? Испанский Ведомен! Или разделит трагическую и сиюющую судьбу Парижской Коммуны?»

Судьба Мадрида еще не решалась. Судьба Испании до сих пор на карте. Бартина еще не заключена в натуре. Но на пополнение отрезок времени, который захватил и «составил» художника, уже живет в новом качестве — исторического факта.

Это уже не моментализм газетчика. Это уже историческая живопись.

*

Что же такое «Испанский дневник»?

Мне кажется, что Михаил Кольцов склонен скромно назвать свою книгу. Конечно, это не дневник. Это — драма, роман, поэма, может быть, лирический монолог. Может быть, это некая новая литература форма, некий новый жанр.

По-моему, это — поэма, написанная на пытке.

Во всяком случае, в книге Кольцова есть все элементы лирико-эпической поэмы. Есть драматические коллизии, описаны приключения, лирические отступления, — все то, без чего не может существовать большая поэма.

Но, кроме того, есть новшество: полити-

ческий портрет, документ, полемический удар, анекдот, южеская шутка.

Все это разнообразие, содружество поэтических элементов легко могло бы стать нестыковым конгломератом. Но этого в книге Кольцова не случилось. Не случилось потому, что все элементы приведены к некоему единству. Это единство — крепкая, неизменная, честная политическая установка автора-бальшевика.

Все лиги книги склоняются в едином политическом фокусе: «...освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров — не есть частное дело испанцев, это — общее дело всего передового и прогрессивного человечества».

(Из телеграммы товарища И. Сталина Центральному комитету коммунистической партии Испании). *

«Испанский дневник» еще не закончен печатанием. Вышли все его части. Но уже сейчас можно сказать, что советский народ получит прекрасную, волнующую книгу. Грустную и вместе с тем мужественную.

Как же она построена, эта книга?

Материал ясен: борьба германского испанского народа за независимость.

Форма организации материала следующая:

Есть два человека.

Один — советский писатель, коммунист,

сотрудник «Правды», спикер Михаил Кольцов. У него за плечами, так сказать, специфическая газетная: телеграфированная в «Правду», быть в самых решавших и ответственных точках, постоянно соприкасаешься с народом, с политическими деятелями, все видеть, все знать, видеть быть первым. Таков его роль в жизни, а следовательно и в книге.

И есть другой человек. «Вымытенный».

Друг Михаил Кольцова, мексиканский революционер, тоже коммунист Мигель Мартинес, специально приехавший в Испанию для того, чтобы помочь испанским товарищам своим революционным опытом.

На первых же страницах книги между двумя героями — подлинным и «вымыщенным» — происходит встреча.

«Здесь же был Мигель Мартинес, небольшого роста человек, мексиканский коммунист, прибывший, как и я, вчера в Барселону. Он никогда не жил в Испании, а сейчас прибыл помочь и отдать земли партии своей опыт мексиканской гражданской войны.»

На протяжении всей книги оба героя постоянно сталкиваются. Их линии пересекаются — линия московского писателя и линия мексиканского коммуниста.

Они видят события с двух разных точек зрения. Но обе точки зрения, как в кинематографическом блокете, сливаются и дают картину реальной стереоскопичности.

Театр-Кино-Музыка-Живопись

Детство Горькою

С. НАГОРНЫЙ

Хочется говорить не о фильме «Детство Горького», а о детстве великого писателя. Не картину, сделанную на фабрике, а жизнь смотрит зритель. Как ни хорош фильм, — зритель видит больше того, что склонят перед ним на экране. Впрочем, может быть, это потому и происходит, что картина сделана очень хорошо.

Фильмы показывали в небольшом зале — человек на двадцать. До начала люди были, по обыкновению, оживлены, шутили, двигали стульями, шумели газетами, которыми пользовались как веером.

Но вот невидимый хор запел тягучую, тосклившую песню. По экрану, наискосок, текла река — медленная, широкая и понятная, как песня. Началась фильм. Потом, через два часа — уходил по дороге в степь, вздыма в жизни высокий, худенький подросток. Он был с котом, Экран потухал медленно, как летний день. В сумерках, в тумане потонули пригороженные столбы, из которых — Алеши Пешкова.

Зажгли свет. В зале было тихо. Кто-то заговорил спокойно, но недосказано, что хотел — голос изменил ему. Он подумал — не догадывается ли кто-нибудь, не выдает ли его лицо того, в чём человеку соединяется взрослому человеку. С удивлением он заметил и на других лицах слёзы, этикетки, из которых — Алеши Пешкова.

Но сейчас — в зале свет. Все выходят. Тихо, без суеты, потому-то мальчишек, чём объясняено...

Да, это самая грустная картина из всех, какие пришли видеть. Рассказать её нельзя — Горький сам рассказал о своем детстве. Можно только думать об этой жизни.

«...гостя, пестрая, невыразимо странная жизнь»... «...слишком обильна жестокость темы жизни» «невыразимого племени».

Мучительно думать, что все это — правда, что фильм — не инспирированный роман, а жизнь живого человека (ведь помнят тысячи современников — как он ходил, как кашлял, курил, разговаривал, смеялся!), и еще гостиное воспоминание в действительности было все еще горше, еще «обильнее жестокостью», потому что постановщикам пришлось, конечно, взвешивать, осторожно отмерять

страшную правду, чтобы фильм люди могли смотреть.

Когда на экране маленький Пешков, все время вибрирующий больного Горького. От этого нельзя ни на минуту оторваться. Это делает зрителя небывало требовательным. Ищешь объяснения великой тайны. Горький писал о годах детства: «...порою меня душала неизбранным тоска, всевозможной, именем наставляла тем-то тяжким и поколюжила, как в глубокой темной яме, потеряв зрение, слух и все чувства, слепой и полумертвый...»

Ищешь объяснения этому чуду, которое спасло Горького. Пронзив десятки лет и после такой жизни, кусок которой запечатлен на экране, мы видели Горького — торжествующего, гордого, человеческого, ласкового. Ведь мы видели его счастливые слезы, когда он сидел возле маззолея Ленина, с накинутым на плечи пальто, и заподионировал физкультурникам. Ведь мы видели, как он улыбался веселым ребятам из базы курносиков! Бакая нужна была волшебная сила духа, чтобы снять существо чувств, юношескую восприимчивость, вообще все то, что есть лучшее в человеке... — сохранил пронесенные через всю жизнь, дойти с этим до конца...

Объяснение этой тайны — в самой картине.

Нельзя припомнить в кино образ женщины, равной тому, который создал Масалиотовича, играющую бабушку Алину Ивановну. Горький сказал о бабушке:

«Это ее бескорыстная любовь к миру обогатила меня, насытила крепкой силой для трудной жизни».

Вечный оптимизм бабушки как бы овещает все, происходящее в фильме. Не всегда будет так плохо. Где-то, может быть за горами, как в сказке, есть хорошая жизнь. Но надо упираться, нельзя поддаваться.

«Как хорошо все! Нет, выглядите, как хорошо-то все!

Это был крик ее сердца, ложит всей жизни.

Нужно съездить на новую квартиру,

победнее — Кашкины идут в пиццет. Старый лапоть сует бабушка в подметки, притворяется:

«Домовик-родник, — во тебе сани, поезжай-ко с нами на новое место, на иное счастье...»

Может быть на новом месте жить будет светлое, радостное.

В этой картине есть мечта о хорошей жизни. Нищета еще не знает, где есть таинственная или когда она наступит. Ребята, собирающие на свалке веточки, попутно сложенную ими песню о городе на Каме, где — не знаем сами! — не в этом ли городе хорошо живется детям жили, как в глубокой темной яме, потеряв зрение, слух и все чувства, слепой и полумертвый...

Ищешь объяснения этому чуду, которое спасло Горького. Пронзив десятки лет и после такой жизни, кусок которой запечатлен на экране, мы видели Горького — торжествующего, гордого, человеческого, ласкового. Ведь мы видели его счастливые слезы, когда он сидел возле маззолея Ленина, с накинутым на плечи пальто, и заподионировал физкультурникам. Ведь мы видели, как он улыбался веселым ребятам из базы курносиков! Бакая нужна была волшебная сила духа, чтобы снять существо чувств, юношескую восприимчивость, вообще все то, что есть лучшее в человеке... — сохранил пронесенные через всю жизнь, дойти с этим до конца...

И никакой тайны нет. Мы видим прохождение той «крепкой силы», которая, подобно озаконченному талисману, спасла и жизнь и гений Горького от «свинских морей» быта.

Из фильма мы видим ребенка в плена у дикого, «снеумного племени». Но мы не можем забыть о том, что этот мальчик вырастет потом в ботатыри. Он вспыхнет, пока еще в жизни, в лицо своим зоркими глазами, присматривается, изучает пыльцевую и породу «с опасливым любопытством». Так играет Алеши Пешкова юный артист Алексей Лярский. Он играет хорошо: увидев этого мальчика на экране, с радостью убеждаешься, что именно таким всегда рисовал себе Кашкинскому внука.

Мы знаем и помним, когда смотрим картину, что это начало великого жизненного пути. Так создается дополнительная, может быть не предвиденная постановщиками коллизия; она между нами и экраном.

Зрители видят всю трудную и прекрасную жизнь Максима Горького и понимают, что, несмотря на то, что отвратительные враги народа, враги счастья человеческого, с которыми так смело, побежденно воевал этот человек, все-таки изловчились и, подразумевавшие, напесли ему превратительский, смертельный удар.

* * *

«Детство» — это говорящая картина. Сейчас начинаешь понимать, что нехватило прекрасному фильму, так талантливо сделанному когда-то Пудовкиным, — звука чистого горьковского слова.

Можно сказать, что «Детство» — самая говорящая из всех говорящих советских фильмов. Слово здесь свободно, обильно льется из экрана, так как это слово — горьковское, то есть — чистое, полновесное, выразительное, всегда художественное, то фильм приобретает новую, дополнительную силу влияния. В «Детстве» говорящее кино окончательно победило предубежденность и рабость к применению слова, и не удивительно, что эту победу принес горьковский текст.

Мы видим только лишь первую часть трилогии. Следует ли говорить, как труда была задача сценариста Ильи Грузева и режиссера М. Донского. Они решили ее с большим художественным тактом. Нужно хорошо понять Горького и любить его, чтобы сделать такую картину. Зритель будет ждать теперь второй и третьей части трилогии.

К. ТРЕНЕВ

Д. ТАЛЬНИКОВ

Малый театр и традиции

1.

На недавнем совещании старых периферийных актеров, как известно, сокрушительной критике подверглись изменения творческих принципов Малого театра. Критиковали тишингишеские спектакли этого театра. Ревизор. Самое замечательное, что критика велаась не с каких-либо «новаторских» позиций. Критиковали с самых привередливых позиций икономического традиционного

театра. На широкой улице русского театра наступающем сезоне предстоит великий, может быть, величайший для него, праздник. Мы находимся у порога щепкинского юбилея.

Эта замечательная дата в истории

русского спектакля на сцене Малого театра — истинный «дом» Цеппини, подлинным источником славных щепкинских традиций.

Малый театр с большой легкостью готов

возложить всю ответственность за свои

творческие провалы, за свое топтание на месте на современную драматургию, состоянию которой в известной степени не может не отразиться на общем росте театра.

Но ведь не к этому должен сойтись для театра вопрос об его жизни в искусстве.

Неблагополучие в области репертуара тоже ведет лишь на сцене Малого театра, не с гениальным днем: еще Чехов писал об этом, и именно чеховского «Дяди Ваня» забраковал этот театр в свое время. Но Виктора Крылова и прочие Рыжиковы все же не могли помешать театру делать свое дело ярко, когда у него были для этого истинные творческие предпосылки. Конечно, на гусевской «Дружбе» и, можно заранее сказать, зная эту пьесу, — на «Чехова» даже не уедешь.

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

Из широкого репертуара классиков — Шекспира, Шиллера, Лонге-Бера, с блестящей ермоловской традицией его «Овчего истинника» — Малый театр за эти годы, кроме совершенно бледного спектакля «Дон Карлоса», поставил лишь «Отелло».

